

PROJECT MUSE®

Б. В. Ананьич. In Memoriam

Екатерина Правилова

Ab Imperio, 2/2015, pp. 396-400 (Article)

Published by Ab Imperio

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2015.0046>

➔ *For additional information about this article*

<https://muse.jhu.edu/article/592851>

Екатерина ПРАВИЛОВА

Б. В. АНАНЬИЧ.

IN MEMORIAM

Одной из последних работ Бориса Васильевича Ананьича стала книга о графе Иване Ивановиче Толстом – ученом, реформаторе и правозащитнике. В течение многих лет Борис Васильевич работал с архивом Толстого, сначала подготавливая к публикации дневник, затем обрабатывая архив его внучки Людмилы Ивановны Толстой. Проникновение в жизнь “героя” было одним из важных приемов Б. В. Ананьича как историка. Он начал свою карьеру в конце 1950-х работой над первым томом воспоминаний графа С. Ю. Витте. Пятьдесят лет спустя он “прожил” еще одну жизнь – жизнь графа Толстого.

В разговорах об этой работе Борис Васильевич часто упоминал о том, что ему хотелось бы понять, был ли И. И. Толстой “уникален”. “Был ли он человеком необычным и донкихотствующим, или прагматиком, озабоченным судьбой своего Отечества, или, наконец, одним из многих здравомыслящих государственных и общественных деятелей России того времени”. Отвечая на этот вопрос в книге, Борис Васильевич утверждал, что Толстой был не один, однако таких людей, как он, было немного. Именно ввиду этого “недостатка людей” Толстой, так же как и другой деятель этой эпохи, М. М. Ковалевский, с которым сравнил его Борис Васильевич, брался за все – кампанию за равноправие евреев и реформу Академии Художеств, образовательные проекты и управление городом. Оставаясь чуждым миру бюрократии и двора и не вступая в

политические партии, Толстой не мог стоять в стороне от тех дел, в которых его знания, высокое положение и авторитет могли оказаться полезными. Благородная скромность и достоинство, щедрость, равнодушие к людям и “культ справедливости” были весьма редкими качествами в чиновно-ученом мире России начала XX века. В России начала XXI века уникальным носителем этих характеристик и ценностей был сам Б. В. Ананьич. С его уходом закончилась целая эпоха. Ушла культура, которую, увы, его ученики не в силах поддержать и продолжить.

Так, как учил Борис Васильевич, больше не учат. Ученичество началось с приходом в семинар в Ленинградском (Санкт-Петербургском) университете и никогда не заканчивалось. Оно не ограничивалось обсуждением студенческих и аспирантских работ в стенах университета или Института истории РАН, а продолжалось в разговорах по дороге к метро Менделеевской линии, за чаем дома у Бориса Васильевича, в архиве, на конференциях и в поездках. Быть учеником / ученицей Ананьича означало учиться манере читать, говорить и воспитывать профессиональный вкус и предпочтения. Борис Васильевич учил, не наставляя, а показывая, вовлекая в мир истории. Для Ананьича все ученики, не исключая студентов младших курсов, были исследователями; он в буквальном смысле приводил своих студентов в архив, предоставляя им начать самостоятельно свой исследовательский путь.

Борис Васильевич “раздавал” ученикам темы: банки и биржи, финансовые институты и проекты экономических реформ XIX – начала XX века. Целый ряд учеников работал над проблемами внешней политики и экономических связей России с Европой и Азией. Каждый чувствовал себя причастным некоему общему делу, начатому учителем Ананьича Борисом Александровичем Романовым и продолжаемому его школой. Школа Ананьича была, разумеется, шире и многочисленнее; темы работ разнообразнее. Особое направление составляли исследования финансового и правительственного аппарата императорской России. Кому-то “достался” Комитет министров, кому-то Синод, кому-то Сенат, и так далее. Сейчас такой институциональный подход покажется необычным. Однако логика исторических исследований 1990-х годов была иная: Борис Васильевич был убежден, что без знания институтов и бюрократии невозможно понять, как работала политическая и административная система империи. Кроме того, Борис Васильевич считал, что нужно “пройти”, “проработать” архив (РГИА), который оставался еще по большей части *terra incognita*.

В этом подходе не было ничего от голого позитивизма: работы Ананьича отличались от трудов многих его современников именно значительностью проблем и вопросов, в них поднимаемых. В 1990-х главной была проблема реформ и революции, технологии преобразований и причин реакции, циклов развития и запаздывания России. В то время, когда падение советского историографического мифа о пролетарской революции часто приводило к тотальному отрицанию кризиса власти и изображению революции как результата заговора, Ананьич и его коллеги-соавторы пытались доказать, что постоянное запаздывание с реформами, их незаконченность, а затем и отказ от серьезных преобразований привели, в конечном итоге, к разрушению империи.

Поразительной особенностью работ Бориса Васильевича было то, что ему удавалось выражать смысл его концепций и идей и убеждать читателя с помощью фактов и документов. Его авторское “я” проявлялось не в демонстрации своего личного мнения, а в том, как Борис Васильевич преподносил открытые им закономерности, оставляя читателю возможность самому делать заключения. Сухость, иногда даже нарочитая “высушенность” и лаконичность фраз (Ананьич учил избегать слова “который” в тексте и оперировать простыми предложениями) были отличительными чертами его стиля, проявлением личной скромности и неприятием демонстративного субъективизма. Его тексты прозрачны и понятны, просты и доходчивы.

Можно рассматривать особенность стиля как отличительную черту “петербургской школы”, хотя мне кажется, это в большей степени объяснялось личными качествами историка. В работах Ананьича мы не найдем следов и некоего культа источника, иногда преподносимого в качестве характерной черты петербургской школы. Его отношение к источнику следует описывать иначе: аналитизм и критика, при этом всегда некоторая отстраненность. Именно так, критично, Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин издавали и комментировали мемуары С. Ю. Витте – изданные сначала в 1960 и затем, в оригинальном виде, в 2003 г. Биография источника могла быть и отдельным жанром (см. короткое блестящее эссе, написанное в соавторстве с Р. Ш. Ганелиным “С. Ю. Витте – мемуарист”, 1994), но при этом составляла главный, начальный принцип исследовательской работы. В университете Борис Васильевич читал спецкурс “Мемуары как исторический источник”, основанный как на бесценном опыте многолетней работы с мемуарами Витте, так и на особом теоретическом подходе. В частности, этот подход сочетал традиционные методы критики исторического источника

с приемами, заимствованными из криминалистики и психологии (критика свидетельских показаний).

Пожалуй, одним из самых важных публикаторских проектов была совместная с В. М. Панеяхом, А. Н. Цамутали и М. П. Лепехиным работа над изданием материалов Академического дела 1929–1930 гг., которой предшествовала небольшая публикация мемуаров Н. С. Штакельберг о кружке историков. Новый тип документов – сфабрикованные ОГПУ следственные дела и материалы допросов людей, оговаривавших себя и других под давлением следствия, – потребовал анализа и объяснения того, что является историческим фактом в этом контексте. Именно на почве определения того, как относятся материалы допросов к действительности, Ананьич полемизировал с историками, недостаточно критично использовавшими следственные материалы.

Может показаться парадоксальным, но в самом процессе работы над текстами, особенно если речь шла о коллективном труде или публикации документов, Борис Васильевич ценил не только (и, может быть, даже не столько) ту самую “индивидуальную” часть, когда писался текст. Создание книги не было для него одиночным занятием. “Делать” книгу означало работать с авторами и редакторами, ездить на метро (если барахлил его “мотор”) с тяжелой рукописью, встречаться и передавать ее из рук в руки, и Борис Васильевич очень любил этот процесс. Работая с дневником, а затем архивом И. И. Толстого, Борис Васильевич проводил многие часы с Людмилой Ивановной, наследницей его рукописного достояния. Это означало сидеть в темных комнатах ее квартиры, быть атакуемым двумя глупыми пуделями под тяжелым взглядом толстого кота и предков Толстых, вззирающих на посетителя с портретов, и разговаривать о графе. С исчезновением бумажного медиума эта, личная, часть работы историка как автора и публикатора уходит в прошлое.

Сочетание уникального знания об архивах, о мире финансов и бюрократии конца XIX – начала XX вв., концептуальности работ и космополитизма в работах Бориса Васильевича было поистине редким. Ананьич раздавал ученикам бесценные по тем временам книги американских и европейских коллег на английском, французском и немецком языках (дома у Бориса Васильевича они стояли в отдельном шкафу со стеклянными дверцами), поощряя к знакомству с другим, неизвестным нам тогда миром западной историографии. Школа Ананьича становилась интернациональной: помимо иностранных аспирантов, защищавшихся в России, он неформально поддерживал и опекал приезжавших в

Россию аспирантов иностранных коллег. Он сам одним из первых стал ездить с лекциями и выступать на международных конференциях, подталкивая своих учеников к участию в международных проектах. Борис Васильевич с удивительной гибкостью реагировал на новые течения и идеи, без скепсиса и предубеждения открывая для себя целые новые области исследований и поощряя учеников браться за новые темы. В частности, он поддержал и помог осуществиться первым проектам по исследованию национализма и империи, начатым в 1996 г.

Возможно, граф И. И. Толстой не был одинок в своем донкихотстве, может быть, он имел равных себе в уме и благородстве. Б. В. Ананьич был уникален. Его доброта и простота, открытость и мудрость очаровывали людей. Зная, что ему, в силу статуса академика, было доступно больше, чем другим, он старался помогать – звонить, писать и ходатайствовать о людях близких и неблизких, но просто нуждавшихся в поддержке. Он растрачивал свои силы щедро, получая удовольствие и испытывая радость от общения с учениками и коллегами до самых последних дней.

SUMMARY

As a former student of Boris Anan'ich, Ekaterina Pravilova focuses mostly on his teaching and research style. She stresses his inclination toward collegial and interactive work, even in pursuing individual research projects.